

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

Е.Г. Новикова

**«ВСЕ ТАКОЙ ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОМАНТИКОВ»: СТАТЬЯ
М.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЖУКОВСКИЙ
И РОМАНТИЗМ»**

«В последнее время лучшие из ученых статей были посвящены памяти умерших наших литературных и художественных знаменитостей <...> Смерть Гоголя и Жуковского подала повод к новой, во многих случаях интересной оценке их произведений. Встретились разнородные мнения – и сразились. От этого много выиграла наша литературная критика, так часто односторонняя и пристрастная. Подняты были литературные вопросы, давно покоившиеся в умах наших литераторов, хотя, может быть, и не решенные окончательно. Всякий журнал торопился высказать свое мнение, то в статьях библиографических, то в критических, то в отделе науки или под скромным названием “некрологов”» – так писали «Отечественные записки» в 1852 г.¹

Обзор материалов 1852–1853 гг., посвященных В.А. Жуковскому, был сделан А.С. Янушкевичем²: это статьи «Жуковский и романтизм» М.М. Достоевского³, «В.А. Жуковский (Материалы для определения его литературной деятельности)» А.Д. Галахова⁴, «Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности» А.В. Никитенко⁵ и речь «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» С.П. Шевырева⁶. «Разные по форме, харак-

¹ *Отечественные записки*. 1852. № 11. Отд. 6. С. 29.

² *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988. С. 21–24.

³ *Достоевский М.М.* Жуковский и романтизм // *Пантеон*. 1852. № 6. С. 21–43. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках страницы.

⁴ *Галахов А.Д.* В.А. Жуковский: (Материалы для определения его литературной деятельности) // *Отечественные записки*. 1852. № 11. Отд. 2. С. 33–50; *Отечественные записки*. 1853. № 6, Отд. 2. С. 55–78; *Отечественные записки*. 1853. № 12. Отд. 2. С. 87–122. В № 12 за 1853 г. помещен, в том числе, «Список сочинений и переводов Жуковского с 1797 по 1812 г.» (С. 118–122).

⁵ *Никитенко А.В.* Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности // *Отечественные записки*. 1853. № 1. Отд. 2. С. 1–36.

⁶ *Шевырев С.П.* О значении Жуковского в русской жизни и поэзии: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета

теру, установке, они сближаются своим пафосом: утверждением исторического значения деятельности Жуковского, определением масштаба его дарования», – подчеркивает А.С. Янушкевич¹.

Статьи, посвященные памяти Жуковского, были, действительно, очень разными.

А.Д. Галахов цель своего труда формулирует следующим образом:

<...> не произнести полное и окончательное суждение о литературной деятельности Жуковского, а только представить несколько материалов для такого суждения².

В центре внимания автора – именно материалы творческого наследия Жуковского: это последнее прижизненное собрание сочинений поэта, произведения, в него не вошедшие, наконец, «Список сочинений и переводов Жуковского с 1797 по 1812 г.»³. А.Д. Галахов сосредоточен в основном на том, чтобы как можно более полно их описать. Так, он пишет следующее:

Сам Жуковский назвал новое издание *полным* (здесь и далее курсив мой. – Е.Н.). Но это слово относится только к тем сочинениям, которые он признавал достойными печати <...> собственно говоря, оно не может называться полным, потому что в нем нет *всех* сочинений Жуковского <...> критика, которой дорого все, написанное знаменитостью <...> должна принять к сведению и оценить все постепенные проявления таланта⁴.

Однако другие критики стремились к иному – к тому, чтобы постараться «произнести полное и окончательное суждение о литературной деятельности Жуковского».

А.В. Никитенко сосредоточен на нравственном значении творчества поэта: «<...> Жуковский был высоким нравоучителем своего поколения»⁵. При этом, по мысли критика, «<...> лучшее поучение

профессором русской словесности С. Шевыревым 12 января 1853 г. // Москвитянин. № 2. Отд. 1. С. 75–166.

¹ Янушкевич А.С. В.А. Жуковский: Семинарий. С. 22.

² Галахов А.Д. В.А. Жуковский: (Материалы для определения его литературной деятельности) // Отечественные записки. 1852. № 11. Отд. 2. С. 34.

³ Список сочинений и переводов Жуковского с 1797 по 1812 г. // Отечественные записки. 1853. № 12. Отд. 2. С. 118–122.

⁴ Галахов А.Д. Жуковский. С. 33.

⁵ Никитенко А.В. В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности. С. 36.

См. об этом: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». М.: Наука, 1972; Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». М.: Наука, 1975;

заклучалось в самом характере его поэзии»¹, который, с его точки зрения, определяется категорией «идеальное». А.В. Никитенко много размышляет об «идеальном направлении Жуковского»² в русской литературе.

Академический формат речи С.П. Шевырева («Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета профессором русской словесности») обусловил историко-литературный подход к жизни и творчеству Жуковского. Она начинается описанием жизни поэта; затем, как говорится в речи, «<...> от человека перейдем к поэту, от жизни его – к поэзии»³. Анализируя творчество Жуковского, С.П. Шевырев выделяет в нем три периода:

<...> первый можно назвать *немецко-английским*, второй – *отечественным*, третий – *всемирным*, по влиянию стихий, действовавших на поэта⁴.

При публикации в «Москвитянине» речь С.П. Шевырева сопровождалась «Списком произведений Жуковского, напечатанных в разных повременных изданиях», собранным Н.С. Тихонравовым (в тот момент – студентом четвертого курса Императорского Московского университета)⁵.

Безусловно, все эти труды заслуживают специального изучения. Однако предметом нашего исследования является статья М.М. Достоевского «Жуковский и романтизм». Она стала хронологически первым развернутым откликом на смерть Жуковского и своим пафосом и своим содержанием определила многие аспекты и акценты последующих публикаций, связанных с кончиной поэта.

Публикация статьи в «Пантеоне» сопровождалась положительными отзывами «Москвитянина» и «Отечественных записок», то есть тех журналов, которые продолжают мемориальную тему, связанную с кончиной Жуковского.

Захаров В.Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 5. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2004. С. 695–712.

¹ Там же.

² Там же. С. 14.

³ Шевырев С.П. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. С. 95.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Тихонравов Н.С. Список произведений Жуковского, напечатанных в разных повременных изданиях // Москвитянин. № 2. Отд. 1. С. 156–166.

«Москвитянин» пишет о том, что в статье М. М. Достоевского

<...> понравилось отношение автора к рассматриваемому им предмету. Видно, что автор зрело обдумал свои <...> основные положения. Кроме того, в статье г. Достоевского мы нашли чрезвычайно интересные подробности о последних минутах жизни нашего поэта¹.

«Статья эта написана с тою теплотою, которая кроет под собою искреннюю любовь к русской литературе и знаменитому имени Жуковского», – вторят «Отечественные записки»². Здесь так же, как и в «Москвитянине», отмечается введение в культурный оборот интересных материалов о Жуковском.

Однако одно положение статьи М.М. Достоевского журнал не принял: «В отношении к нашему обществу г. Достоевский уж слишком много видит в романтизме Жуковского»³. Как пишет А.С. Янушкевич, М.М. Достоевский «<...> рассматривает романтизм Жуковского как общественную потребность»⁴, и именно это показалось рецензенту «Отечественных записок» преувеличением. Но уже в следующем 1853 г. в тех же «Отечественных записках» будет опубликована статья А.В. Никитенко, в которой утверждается следующее: «Жуковский имел сильное влияние на современное ему общество»⁵.

Идея высокого общественного значения романтизма поэта родилась из всей совокупности жизненных и творческих установок автора статьи «Жуковский и романтизм» Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864), старшего брата Ф.М. Достоевского.

Братья-погодки, они были сформированы единой – сначала семейной, а затем культурной и общественной средой 1830–1840-х гг. Между ними было много общего, и, до определенного момента, у них была очень похожая судьба. И самое главное, отношения братьев Достоевских определялись глубинной духовной близостью. Как пишет В.В. Дудкин в специальной посвященной им статье, «<...> братские связи Достоевских уникальны»⁶.

¹ *Москвитянин*. 1852. № 16. Отд. 5. С. 191.

² *Отечественные записки*. 1852. № 11. Отд. 6. С. 29.

³ Там же. С. 31.

⁴ *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский: Семинарий. С. 22.

⁵ *Никитенко А.В.* В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности. С. 34.

⁶ См. об этом: *Дудкин В.В.* Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура: альманах № 27. СПб.: Серебряный век, 2010. С. 9.

Уникальность этих братских связей предстает еще ярче на фоне того, что судьба их сложилась как сменяющие друг друга периоды общей жизни и деятельности – и длительных разлук¹.

Общее детство; затем братья вместе учатся в частных пансионах Н.И. Драшусова и Л.И. Чермака; уже в ранней юности оба стремятся к литературному творчеству, увлечены романтизмом. Однако по воле отца оба вынуждены заняться военно-инженерным делом. В 1837 г. Ф.М. Достоевский поступает в Главное инженерное училище в Петербурге, М.М. Достоевский, не принятый в него, в начале 1838 г. уезжает в Ревель и определяется на службу в Ревельскую инженерную команду.

1838–1847 гг. – военная служба М.М. Достоевского в Ревеле². Братья встречаются изредка, во время кратких приездов М.М. Достоевского в Петербург. Между братьями завязывается активная переписка, и сохранившиеся письма Ф.М. Достоевского этого времени – это в первую очередь своеобразные трактаты, в которых обсуждаются разнообразные эстетические, литературно-критические, психологические и философские проблемы. Конец 1830-х – начало 1840-х гг. – первый период творчества М.М. Достоевского как романтического поэта и переводчика.

В 1846 г. был опубликован первый роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», который сразу же сделал его знаменитым. В 1847 г. М.М. Достоевский принимает то же решение, которое его младший брат принял в 1844 г.: он выходит в отставку, после чего переезжает в Петербург.

1847–1852 гг. – новый период художественного творчества М.М. Достоевского. В течение 1847–1849 гг. он вместе с братом принимает самое активное участие в культурной и политической жизни столицы. Именно в это время М.М. Достоевский окончательно формируется как писатель и создает ряд художественных произведений³; кроме того, он по-прежнему занимается переводами, пишет критические статьи.

¹ Так, в упомянутой выше работе В.В. Дудкин сравнивает братьев Достоевских с братьями Гонкурами, которые никогда не разлучались.

² См. об этом: *Конечный А.М.* М.М. Достоевский на службе в инженерных командах. 1838–1847: Хронологическая канва // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 234–236.

³ См. об этом: *Нечаева В.С.* М.М. Достоевский – беллетрист конца 1840-х годов // Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 245–269.

Наконец, вместе с братом он становится членом кружка М.В. Петрашевского. 23 апреля 1849 г. был арестован Ф.М. Достоевский, в ночь с 6 на 7 мая – М.М. Достоевский. 24 июня он был освобожден из Петропавловской крепости, поскольку, на основании многочисленных показаний членов кружка, в том числе Ф.М. Достоевского, следственная комиссия признала его невиновным¹.

1849–1859 гг. – разлука братьев, которая усугублялась тем, что они не могли переписываться. Вечером 24 декабря 1849 г. М.М. Достоевский провожал брата, которого увозили из Петропавловской крепости, отправляя в Сибирь; встретятся они только почти через десять лет, в конце августа 1859 г. в Твери.

В 1849–1852 гг. М.М. Достоевский по-прежнему занимается литературой, публикует новые художественные произведения, статьи и переводы. Однако все это, по сути, только продолжение и завершение предыдущего периода его жизни².

В начале 1850-х гг. он вновь кардинально ее меняет, приняв решение заняться коммерческой деятельностью, и становится владельцем небольшой табачной фабрики. Предприятие будет ликвидировано тогда, когда братья Достоевские займутся изданием журнала.

1860–1864 гг. – новый и последний этап их совместной деятельности, прерванный внезапной смертью старшего брата. Достоевские издают журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). М.М. Достоевский вновь возвращается к литературному и журнальному делу; однако в журналах Достоевских он выполнял в основном издательские, редакторские функции³. Внезапную смерть М.М. Достоевского, последовавшую 10 июля 1864 г., объясняли именно этими журнальными трудами, оказавшимися для него непосильными. «Был он

¹ Следственное дело М.М. Достоевского-петрашевца // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 1. Л.: Наука, 1974. С. 254–265. Публикация сопровождается следующим примечанием: «Эти и другие архивные материалы, использованные ниже, разысканы Б.В. Федоренко и подготовлены сотрудниками Ленинградского музея Ф.М. Достоевского» (Там же. С. 245). См. также: *Достоевский Ф.М.* За умершего // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 132–135.

² Его наследие собрано в следующих изданиях: *Достоевский М.М.* Собрание сочинений: в 2 т. Пг.: Пантеон литературы, 1915. URL: [Электронный ресурс] <http://www.philolog.ru/mdost/index.html>

³ См. об этом: *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»; *Ее же.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха»; *Захаров В.Н.* Идеи «Времени», дела «Эпохи» // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 5. С. 695–712.

слаб и до издания журнала, но журнал его совсем доконал», – писал Н.Н. Страхов¹.

Можно приводить бесконечное количество примеров, свидетельствующих о том, что Достоевских связывали совершенно особые братские узы. Остановимся на нескольких.

Из письма Ф.М. Достоевского М.М. Достоевскому от 1 января 1840 г.:

<...> ты не поверишь, какой сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслаждение – престранное – томить себя.

Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и, насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу в карман... Ты не поверишь, что за сладострастное состояние души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с $\frac{1}{4}$ часа; наконец с жадностию нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки. О, чего не перечувствует сердце, читая их!²

Именно брату пишет Ф.М. Достоевский свое знаменитое прощальное письмо от 22 декабря 1849 г.: «Брат, любезный друг мой! все решено! Я приговорен к 4-х-летним работам...»³.

А.П. Милюков присутствовал при прощании братьев Достоевских в Петропавловской крепости и так передал свое впечатление:

Смотря на прощание братьев Достоевских, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его»⁴.

Из письма М.М. Достоевского неустановленному лицу от 1 февраля 1860 г. о встрече с братом после десятилетней разлуки:

Итак, мы опять теперь после долгих лет разлуки соединились с братом. Это превосходнейший человек во всех отношениях. Талант его Вы

¹ Цит. по: *Летопись* жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1993. Т. 1. С. 461.

² *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28/1. С. 66.

³ Там же. С. 161.

⁴ *Милюков А.П.* Литературные встречи и знакомства. Цит. по: *Гроссман Л.* Казнь Достоевского. М., 1928. С. 45.

знаете, знаете отчасти его мягкую душу из его сочинений, но не знаете вполне всей доброты, всего ума, всей обворожительности разговора этого человека. Само собой разумеется, что мы видимся чуть не каждый день. Не удивляйтесь, что я так много говорю Вам о нем. Приезд его и свидание с ним, повторяю, есть важнейшее событие в моей жизни, и я еще до сих пор не пережил его...¹

Но на фоне этой духовной близости братьев ярче выступают мировоззренческие и эстетические предпочтения каждого.

С легкой руки П.В. Анненкова М.М. Достоевскому в истории русской литературы отведено место «подражателя» младшего брата². В 1849 г. в «Заметках о русской литературе прошлого года» критик пишет о том, что

<...> образовался круг молодых писателей, создавший <...> какой-то фантастически-сентиментальный род повествований <...> изобретатель этого рода был г. Ф. Достоевский, автор «Бедных людей». Он положил ему основание повестями «Двойник» и «Хозяйка»³. К числу подражателей г. Достоевского мы относим, во-первых, г. Буткова, а во-вторых, г. Достоевского-брата (М.М.)⁴.

Об этой «фантастически-сентиментальной» тенденции в русской литературе 1840-х гг. Анненков пишет в значимом контексте размышлений о реализме:

Появление *реализма* в нашей литературе произвело сильное недоразумение, которое уже пора объяснить. Некоторая часть наших писателей поняла реализм в <...> ограниченном смысле⁵.

И далее:

То ли думали замечательные люди, писавшие у нас о реализме <...>. Лучшая повесть г. Достоевского «Господин Светелкин» может служить образцом <...>⁶

¹ *Достоевский* в неизданной переписке современников. Статья, публикация и комментарии Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 376–377.

² *Анненков П.В.* Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. 1849. № 1. Отд. 3. С. 7.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 11.

Свои размышления критик заканчивает следующими словами:

Единственная цель наша – открыть псевдо-реальному, фантастическому и сентиментальному направлениям глаза на собственные их ошибки и заблуждения <...>¹.

Нетрудно заметить, что, Анненков здесь, в свою очередь, «подражает» В.Г. Белинскому: в своих «Заметках» он воспроизвел методологическую позицию великого критика, который интерпретировал «Двойника» и «Хозяйку» Достоевского исключительно в контексте «натуральной школы», уже несоразмерном писателю. То, что Белинский продемонстрировал по отношению к Достоевскому, Анненков переносит на тех, кого считает его «подражателями».

Безусловно, на творчество М.М. Достоевского гений младшего брата оказал влияние. Но только в том объеме и аспекте, который соответствовал его собственным изначальным интуициям и установкам. Как подчеркивает В.Н. Топоров,

<...> М.М. Достоевский должен быть выведен из <...> тени и понят как самостоятельная фигура русской литературы в ответственной период ее развития»².

В.С. Нечаева пишет о том, что главным героем М.М. Достоевского, прошедшим через все его творчество, был «герой-мечтатель», близкий, конечно, героям раннего Ф.М. Достоевского, но обусловивший специфику его собственного творчества³. М.М. Достоевский никогда не будет считать «ошибками и заблуждениями» то, что Анненков в своей статье называет «псевдо-реальным, фантастическим и сентиментальным». В сущности, мировоззрение и эстетику М.М. Достоевского всегда определяли идеализм и романтизм⁴.

В первом письме к брату, написанному после долгого вынужденного молчания, М.М. Достоевский говорит:

¹ Анненков П.В. Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. 1849. № 1. Отд. 3. С. 15.

² Топоров В.Н. Михаил Михайлович Достоевский: по материалам Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 370.

³ Нечаева В.С. Указ. соч. С. 252.

⁴ О соотношении сентиментального и романтического у М.М. Достоевского см. ниже.

<...> не воображай себе, что я сделался коммерческим и практическим человеком. Увы! Все такой же последний из романтиков...

«Он был человек образованный, развитый, уважавший литературу, страстно любивший поэзию, и сам поэт. С жадной идеала и с потребностью нравственного убеждения» – так вспоминал об умершем брате Ф.М. Достоевский в посвященной ему мемориальной статье 1864 г. «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»².

Как уже было сказано выше, М.М. Достоевский начинал как поэт-романтик. «Мы с братом мечтали <...> о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три», – вспоминает Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г.³ Из его письма старшему брату от 1 января 1840 г.: «Твои лирические стихотворения прелестны: «Прогулка», «Утро», «Виденье матери», «Роза» (кажется, так), «Фебовы кони» и много других прелестны. Какая живая повесть о тебе, милый!»⁴

И.Н. Шидловский, близкий друг братьев Достоевских в юности, в письме от 17 января 1839 г. очень высоко оценивает поэтическое дарование М.М. Достоевского. Само это письмо – замечательный образец романтического эпистолярного жанра и дает яркое представление о той атмосфере, в которой проходила его юность:

Ей-ей, Ваша поэзия своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той чистой простоте, чуждой современного суемудрия байроновского бешеного эгоизма, без которого нельзя вникать (sic!) в Царствие Божие <...> Вас одарил Всемогущий крепким чудным созерцанием, деятельной фантазией и зиждательной волей, не уроните же всего этого; станьте твердо против всех мелочных искушений. Я уже вижу венец, Вам предназначенный»⁵.

В том же романтическом стиле пишет о своем призвании и сам М.М. Достоевский в письме отцу М.А. Достоевскому:

Всяк должен думать, что он зачем-нибудь да призван на землю, что на его долю припасена Богом дорога, по которой он должен прийти к

¹ Письмо М.М. Достоевского от 18 апреля 1856 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 122.

³ Там же. Т. 22. С. 27.

⁴ Там же. Т. 28/1. С. 67.

⁵ Письмо И.Н. Шидловского от 17 января 1839 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

смерти – прямой дорогой, а не проселочной, как другие! Так как с младенчества сердце мое стремилось к Литературе, то не вправе ли я думать, что эта дорога для меня открыта на словесном поприще? В поэзии – мое счастье! Это не переменится! Я уже испытал себя – и не обманулся!¹

Доктор А.Е. Ризенкампф, ревельский друг М.М. Достоевского, оставил воспоминания о юности М.М. Достоевского². Воспоминания А.Е. Ризенкампфа ценны тем, что в них приведены оригиналы нескольких стихотворений М.М. Достоевского, в частности упомянутое в письме Ф.М. Достоевского от 1 января 1840 г. «Видение матери»³; в целом же у автора воспоминаний хранилось около тридцати его юношеских стихотворений.

В воспоминаниях А.Е. Ризенкампфа выразительно представлена еще одна грань дарования молодого М.М. Достоевского: его собственное поэтическое творчество тесно переплеталось с переводами из немецких романтиков. Автор воспоминаний пишет:

Михаил Михайлович <...> нам читал отрывки своих переводов шиллеровского «Дон Карлоса» и «Германа и Доротеи» Гете. Много было у него новых лирических стихотворений⁴.

Он тогда глубоко верил в свое поэтическое призвание и нередко повторял переведенные им стихи Гете:

Не знаю, чем бы я был, не имей я поэзии дара,
Но с ужасом вспомню о том, что тысячи суть без него⁵.

«Вы писали ко мне, что я позабуду языки. Ничуть, – пишет М.М. Достоевский отцу 17 февраля 1838 г. – Этот год я усовершенствовался в них, прочитав Расина, Мольера, В. Гюго, Гете, Шиллера»⁶. Поэт в юности, в период 1840-х – начала 1850-х гг., М.М. Достоевский, в соответствии с духом литературной эпохи, переходит к прозе. Вот летопись его сочинений: 1848 г. – повести «Дочка», «Господин Светелкин», «Воробей», драма «Старшая и меньшая»;

¹ Кумтан К.А., Конечный А.М. Письма Михаила Достоевского к отцу // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л., 1981. С. 76.

² Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 322–331. Публикация Г.Ф. Коган.

³ Там же. С. 325–327.

⁴ Там же. С. 328.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Кумтан К.А., Конечный А.М. Письма Михаила Достоевского к отцу. С. 73.

1849 г. – повесть «Два старичка»; 1850 г. – повесть «Пятьдесят лет»; 1851 г. – драма «Мачеха»; наконец, в течение 1850–1852 г. создает роман «Деньги», который остался незаконченным. «Не знаю, чем бы я был, не имей я поэзии дара, // Но с ужасом вспомню о том, что тысячи суть без него» – так, вслед за Гете, говорил он в юности – и, вероятно, в какой-то момент решил («с ужасом»), что и сам относится к этим «тысячам». В упомянутых выше воспоминаниях А.Е. Ризенкампа приведено четверостишие, которое М.М. Достоевский разместил на одном из окон своего магазина:

Сей магазин открыт писателем одним,
Который, видя, что его творенья плоски,
А слава лишь мечта и дым,
Пустился делать папироски¹.

«Творенья плоски» – таков горький вывод М.М. Достоевского обо всем своем оригинальном творчестве. Как вспоминает об этом периоде творчества старшего брата Ф.М. Достоевский:

Он написал несколько повестей и рассказов. Их хвалили. Но некоторый успех, приобретенный им с первого разу, не соблазнил Михаила Михайловича. Всегда строгий и требовательный к самому себе и не признавая в себе решительного творчества, он перестал писать. Этот трезвый и даже несколько гордый взгляд на свои литературные труды весьма редко встречается в молодых начинающих писателях; а Михаил Михайлович, по моему личному мнению, был уж слишком строг к трудам своим².

«Меня спасло чувство гордости», – напишет однажды М.М. Достоевский (по другому поводу)³.

Если судьба его как писателя сложилась непросто, переводами М. М. Достоевский успешно занимался всю свою творческую жизнь. Его выбор текстов для перевода крайне показателен, и он ярко свидетельствует о его эстетических предпочтениях: это только романтики, преимущественно – немецкие романтики. Почти все переводы из Ф. Шиллера: драма «Дон-Карлос» (1848), статья «Наивная и сентиментальная поэзия» (1850), драма «Разбойники» (1857), стихотво-

¹ Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 327.

² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 123.

³ Письмо М.М. Достоевского от 18 апреля 1856 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

рение «Боги Греции». Также в 1848 г. он переводит «Рейнеке-Лис» Гете¹, а в 1860 г. – повесть В. Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни». «Он был знаток европейских языков и литератур, много читал <...> ценил он свои переводы из Шиллера и Гете», – отмечает Ф.М. Достоевский².

В свою очередь, М.М. Достоевский, заботясь о развитии творчества брата, нередко отсылал его к немецким романтикам:

Вместо Шекспира (в дурном немецком переводе), которого я было хотел послать тебе сначала, отправляю к тебе «L'histoire de la guerre de trente ans» Шиллера. Мне кажется, эта книга должна занять тебя более³.

Милейший мой, я может быть ошибаюсь, но твои два большие романа будут нечто в роде «Lehrjahre» und «Wanderungen» Вильгельма Мейстера. Пусть же они и пишутся, как писался Вильгельм Мейстер, отрывками, исподволь, годами. Тогда они и выйдут также хороши, как и два гетевы романа <...> Мне бы очень хотелось, чтоб в Твери ты написал что-нибудь хорошее, из ряду вон⁴.

Наконец, М.М. Достоевский занимался и литературной критикой. Самые значимые его литературно-критические статьи: «Сигналы литературные» (1848), «Жуковский и романтизм» (1852), «Гроза» (1860), «Стихотворения Плещеева» (1861).

Можно без преувеличения сказать, что статья «Жуковский романтизм» выросла из всей его литературной судьбы. Вызванная к жизни кончиной великого русского поэта, она создается Достоевским в то самое время, когда он, «все такой же последний из романтиков», принимает решение стать «коммерческим и практическим человеком», отойти от художественного творчества и стать купцом. Характерный фон статьи составляет последнее оригинальное произведение писателя: незаконченный роман с показательным названием «Деньги», посвященный описанию современной ему купеческой среды. Своего рода переход из мира творчества в мир купечества. Как замечает В.С. Нечаева:

¹ Этот перевод М.М. Достоевского вошел в первое русское собрание сочинений И.В. Гете под ред. П.И. Вейнберга (*Гете И.В.* Сочинения: в 6 т. СПб, 1865–1871). См. об этом переводе: *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1981. С. 272.

² *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 122–123.

³ *Письмо* М.М. Достоевского от 18 августа 1849 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

⁴ *Письма* М.М. Достоевского / ред., вступ. ст. и коммент. А.С. Долинина // Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования / под ред. А.С. Долинина. Л., 1935. С. 515.

Особое место в литературном наследстве М.М. Достоевского занимает его неоконченный роман «Деньги». По серьезности замысла, по тщательности обработки он стоит выше известных его повестей¹.

Эпизод из романа под названием «Брат и сестра» был опубликован в третьем номере журнала «Пантеон» за 1852 г.; в шестом его номере за тот же год опубликована статья «Жуковский и романтизм».

Верный своим творческим предпочтениям, и в романе «Деньги» Достоевский изображает героя-мечтателя. В связи с образом Дмитрия Федоровича Нерадова в романе дано развернутое авторское размышление о самом типе романтика:

Обыкновенно их зовут чудаками, романтиками, невеждами в трудной и не всем дающейся науке жизни, отталкивают их, презирают, и только немногие произносят над ними верный суд; только немногие понимают, что странность их есть непреходящий плод века, что этот тип смешон и странный не сам по себе, а по форме, в какой модулирует его общество².

Судьба романтизма в современности – с этого начинается и статья Достоевского:

Есть писатели, для которых еще при жизни настает потомство. Путь, пройденный ими, лежит в величавом уединении, вдали от новых путей, пролагаемых новыми деятелями (21).

Поэзия В.А. Жуковского входит в статью рука об руку с живыми и теплыми воспоминаниями Достоевского о его романтической юности:

<...> эти бесчисленные тетрадки, в которых с благоговением и с орфографическими ошибками записывалось каждое новое стихотворение любимого поэта <...> этот бесчисленный круг читателей и читательниц, которые, за неимением печатного, вырывали друг у друга эти тетрадки, сшивали множество других и жадно переписывали и заучивали все, что только выходило из-под пера *Василия* Жуковского <...> Так обыкновенно называли они поэта <...> наконец, эти беспрестанные толки и слухи о нем самом, о том, что он пишет, где живет и что собирается писать (23–24).

Вся эта тирада о славе поэта сопровождается вопросом-рефреном: «Где это?...» Ответ: «Времена изменились <...> романтизм отжил век свой <...> мы положительны от головы до пяток; «положи-

¹ *Нечаева В.С.* Указ. соч. С. 260. См. также: *Карпи Гуидо.* Роман М.М. Достоевского «Деньги» // Карпи Гуидо. Достоевский-экономист: очерки по социологии литературы. М., 2012. С. 18–34.

² Цит. по: [Электронный ресурс] <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/arts/arts.htm>

тельность» наше любимое слово, положительный человек наш идеал» (24).

Однако назвав свою статью «Жуковский и романтизм», Достоевский отстаивает мысль о том, что «романтик», как и «положительный человек», – два вечных, непреходящих человеческих типа, присущих любой эпохе и любому обществу:

<...> все люди <...> непременно делятся на эти два главные вида, на романтиков и положительных людей, как мы привыкли их называть, или на *идеалистов* и *реалистов*, как назвала их наука <...> Все, что *необходимо* в человеческой природе, то есть все, что прирожденно человеку <...> – все то уже прекрасно и почтенно, именно потому, что оно *необходимо*, что нельзя от него отрешиться по произволу, бросить как какую-нибудь привычку. И потому оба эти типа, романтики и положительные люди (будем называть их, как обыкновенно все их называют) прекрасны и почтенны, если только являются в настоящем их значении, а не в искаженном, как это часто случается (24–25).

Проблема «романтика» и «практика», заданная во многом Белинским с его борьбой против романтизма во имя «натуральной школы», во имя русского реализма, определила важнейшие особенности русской литературы и культуры второй половины 1840-х – начала 1850-х гг. Достаточно указать на проблематику «Записок охотника» И.С. Тургенева, «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова, повестей А.И. Герцена и пр. В частности, в «Заметках о русской литературе прошлого года» П.В. Анненкова 1849 г. (о которых уже говорилось выше) творчество М.М. Достоевского также осмыслилось в контексте противопоставления «*реализма*» и «псевдо-реального, фантастического и сентиментального направления».

В свою очередь, Достоевский в статье опирается на совершенно иной авторитет: это Ф. Шиллер и его статья «О наивной и сентиментальной поэзии»¹.

Два года назад, в 1850 г., он перевел эту шиллеровскую статью на русский язык, и его перевод под названием «Наивная и сентимен-

¹ См.: Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 465–472. Перевод И. Саца.

О существенной значимости труда Шиллера для определения исходных человеческих типов свидетельствует, в частности, тот факт, что его глубоко и подробно анализирует К.Г. Юнг в своей известной книге «Психологические типы». См.: Юнг К. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. Гл. 2. Идеи Шиллера о проблеме типов. С. 172–177.

тальная поэзия (Из Шиллера)» был опубликован в «Отечественных записках»¹.

Теперь, размышляя о проблеме «двух человеческих типов», «реалистов» и «идеалистов», Достоевский вводит в свою статью о Жуковском обширные цитаты из данного труда Шиллера в собственном переводе.

По Шиллеру, два исходных человеческих типа, «наивный» и «сентиментальный», обусловлены самой двуединой сущностью человека, его равной принадлежностью к миру природы и миру духа. Поэтому «<...> причисляющий себя к первому разряду может быть назван *реалистом*, ко второму – *идеалистом*»² (26. Здесь и далее перевод Шиллера цитирую по статье Достоевского).

Достоевский дает обширные выдержки из шиллеровской сравнительной характеристики реалиста и идеалиста, называя ее «гениальной»³ (27):

Реалист спрашивает, *на что полезна вещь*, и ценит вещи по тому, чего они стоят; идеалист спрашивает, *хороша ли вещь*, и ценит вещи по тому, чего они достойны. Ко всему, что имеет цену и цель в самом себе, реалист очень равнодушен; в деле вкуса он ищет удовольствия, в делах нравственных – счастья. Реалист старается *осчастливить*, идеалист – *облагородить*. Независимость *состояния* есть величайшее благо реалиста; независимость *от состояния* – для идеалиста <...> Оттого первый высказывает свое расположение тем, что *дает*; последний тем, что *принимает* (26–27)⁴.

¹ См.: *Отечественные записки*. 1850. № 2. Отд. 2. С. 93–114; *Отечественные записки*. 1850. №3. Отд. 2. С. 53–80.

² Выделения курсивом в тексте Шиллера сделаны Достоевским.

³ О существенной значимости труда Шиллера для определения исходных человеческих типов свидетельствует, в частности, тот факт, что его глубоко и подробно анализирует К.Г. Юнг в своей известной книге «Психологические типы». См.: *Юнг К. Психологические типы*. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. Гл. 2. Идеи Шиллера о проблеме типов. С. 172–177.

⁴ Любопытно отметить, что свой перевод 1850 г. Достоевский для статьи существенно перерабатывает. Ср., например, приведенный текст с аналогичным фрагментом перевода 1850 г.: «Реалист спрашивает, *на что годится дело*, и оценивает вещи сообразно тому, чего они стоят; идеалист спрашивает: *хорошо ли дело?* И оценивает вещи, смотря по тому, чего они достойны. Во всем, что имеет ценность и цель в самом себе (исключая, впрочем, целое), реалист мало знает толка и не дорожит тем; в делах вкуса он будет искать удовольствия, в делах нравственности – благосостояния, хотя и не считает этого условием нравственного деяния. Все, что любит, он будет стараться *осчастливить*, идеалист – *облагородить*. Независимость *состояния* есть высочайшая цель для первого, независимость *от состояния* – для второго <...> От-

Итак, два вечных человеческих типа, по Достоевскому, с опорой на Шиллера, следующие: «наивный» тип – реалист – «положительный» тип; «сентиментальный» тип – идеалист – «романтик». Поэтому, в частности, такая специальная проблема, как соотношение сентиментального и романтического, здесь снята.

Показательно, что молодой Жуковский, как пишет об этом А.С. Янушкевич, составляя свой известный «Конспект по истории литературы и критики» (1804–1811) и «дифференцируя различные психологические состояния, ориентируется <...> на Шиллера»¹. Создавая «своеобразный итоговый список под названием «Эстетика», он «выделяет <...> «Ueber naïve und sentimentale Dichtung» («О наивной и сентиментальной поэзии») <...>»². По мнению прот. В.В. Зеньковского, «Жуковскому <...> было близко сближение эстетической и моральной сферы у Шиллера – идеал *Schöne Seele*»³.

В целом статья Достоевского пронизана пафосом романтизма: «Романтизм, хотя и в искаженном виде, есть все-таки хоть какая-нибудь сила, есть все-таки хоть какое-нибудь стремление, порыв к чему-то высшему...» (27). Именно поэтому Достоевский подчеркивает особую общественную значимость романтизма:

<...> романтизм поддерживает в обществе теплоту и участие ко всем высшим проявлениям человеческого разума. В эпоху, когда народы вступали на путь просвещения и сосредоточивали все свои силы на те великие подвиги, на те великие открытия и предприятия, которые принесли такие огромные пользы не одному своему веку и которым благоговейно удивляются позднейшие века – в ту пору романтизм как начало был главным двигателем народов» (28).

После этого апофеоза романтизма как вечного явления человеческого духа Достоевский переходит собственно к «романтизму литературному» (28), в котором принципиально различает французскую и немецкую школы. В основе предложенного им различения – продолжение темы романтика как вечного человеческого типа. По его мнению,

того реалист выражает свою благосклонность тем, что *дает*, идеалист же тем, что *принимает*» (Отечественные записки. 1850. № 3. Отд. 2. С. 78).

¹ Янушкевич А.С. Немецкая эстетика в библиотеке В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. С. 173.

² Янушкевич А.С. Немецкая эстетика в библиотеке В.А. Жуковского. С. 174.

³ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Париж: YMCA PRESS, 1948–1950. Репринт: Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. С. 141.

<...> романтизм суть только временные образы, какие принимала литература для выражения идей и верований своего века и своего народа. Многие из них суть только того главного и вечного характера, о котором мы сейчас говорили» (29).

Поэтому в европейском романтизме он выделяет, с одной стороны, «французскую новую школу» (29), с другой – «золотой век немецкой литературы» (29).

Французский романтизм, с его точки зрения,

<...> в самом деле школа, если под школою принимать известное направление, которому подчиняются таланты и влияние которого ясно обозначается в их произведениях», и здесь <...> литературная реформа (в смысле искусства) и осталась только литературною реформой. Новая форма искусства увеличила жажду к зрелищам, к легкому чтению, но не имела большого влияния на нравы и на самую жизнь (30).

Этой «французской новой школе», не имевшей «большого влияния на нравы и на самую жизнь», Достоевский противопоставляет немецкий романтизм, который выразил, с его точки зрения, саму «душу немца» (30):

Новая форма искусства явилась в Германии чем-то знакомым, родным <...> Общество радо было возобновлению родного, но оно никогда и не выходило из-под его влияния. При постоянно возбужденной фантазии и при склонности немца к мечтательности литературная реформа дала ей только более обильную пищу. Но не породила ее. Она давно уже жила в народе (31).

Немецкий романтизм выразил дух нации. Именно поэтому, считает Достоевский, «<...> произведения германской поэзии той эпохи отличаются таким разнообразием, так совершенны» (29). Высшим воплощением этого духовного и художественного совершенства стало творчество Шиллера и Гете: «Являются два великие поэта, совершенно противоположные по натуре, если не по воззрению на искусство, и оставляют образцовые произведения в драме и романе» (29).

Как известно, первым опубликованным трудом Ф.М. Достоевского стал перевод «Евгении Гранде» О. де Бальзака¹. Он прекрасно знал французский язык, и его симпатии к французской литературе не

¹ *Евгения Гранде*. Роман г-на О. де-Бальзака // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Канонические тексты... Т. 1. С. 415–577.

вызывают никаких сомнений. Все пристрастия же М.М. Достоевского – на стороне немецкой литературы; и переводы его в основном с немецкого, из Шиллера и Гете.

В центре его внимания – Шиллер. Его труд «О наивной и сентиментальной поэзии» составил теоретическую основу статьи; также здесь он обращается и к поэзии великого немецкого романтика. В свою очередь, и Ф.М. Достоевский писал о том, что «Шиллер <...> вошел в плоть и кровь русского общества <...> Мы воспитались на нем, он нам родной и во многом отразился в нашем развитии»¹.

Размышляя в своей статье о поэзии Шиллера, М.М. Достоевский, на первый взгляд неожиданно, подвергает определенному сомнению термин «романтизм»:

Самые идеалы Шиллера – эти образы чистой красоты – далеко выше того понятия, какое мы привыкли соединять со словом «романтизм». Они так художественно прекрасны; в них заключена такая светлая идея! Это образы просветленной человеческой природы (30).

Но, по мысли Достоевского, «<...> название *романтической* <...>» связано, прежде всего, с «французской новой школой» (29); поэзия же Шиллера воспринимается им – в контексте основной проблематики труда поэта – как собственно «идеальная»: «идеалы Шиллера», «светлая идея», «образы просветленной человеческой природы».

И здесь же – скрытая цитата из Жуковского (и А.С. Пушкина): «образы чистой красоты».

Именно в идеальном влиянии на русскую культуру и русское общество и видит Достоевский основное значение поэзии Жуковского:

Молодое, только что развивающееся общество требует сильных побуждений. Материализм захватывает его часто в самом начале пути, и нужно сильное напоминание о всем высоком, благородном, чтобы спасительно пробудить его чистейшие инстинкты. Это благородное назначение выпало на долю Жуковского <...> и в этом, по нашему мнению, заключается нравственное значение поэзии Жуковского (33).

«Образы чистой красоты» влекут за собой «чистейшие инстинкты» общества. Дальнейшее уточнение Достоевского окончательно связывает воедино общественное значение поэзии Жуковского и проблематику романтизма:

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. С. 17.

Мы высказали наше мнение о нравственном значении поэзии Жуковского как двигателя нашего общества. Он ввел новое, до него неизвестное начало в русскую литературу – романтизм, преимущественно немецкий (35).

Размышления Достоевского о романтизме Жуковского подкреплены в статье двумя документами (приведенными в фрагментах): это письмо Жуковского к Ф.Г. Вендриху от 19 декабря 1805 г. и письмо прот. И.И. Базарова от 17 (29) апреля 1852 г. Выбор данных материалов принципиален: они знаменуют собой начало и завершение творческого и жизненного пути поэта.

Письмо Жуковского к Ф.Г. Вендриху Достоевский впервые вводит в культурный оборот, что делает его статью еще более значимой¹. Он отмечает:

У нас есть собственноручное письмо Жуковского, писанное им к соседу по его деревне, Федору Григорьевичу Вендриху <...> Письмо писано от 19 декабря 1805 года, старинным почерком (33).

Данное письмо (в копии) находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве А.Н. Майкова².

Известно, что братья Достоевские в конце 1840-х г. входили в кружок Майковых и играли в нем заметную роль. Из «Воспоминаний» С.Д. Яновского:

Салон этот (Майковых. – Е.Н.) составляли, во-первых, даровитые, эстетически развитые и до нес plus ultra гуманные и симпатичные хозяева с их щедро наделенною талантами семьею, а потом И.А. Гончаров, Ст. Сем. Дудышкин, М.А. Языков, наш незабвенный Фед. Мих. и М.М. Достоевские³.

Он же вспоминает один из дружеских обедов конца 1840-х гг., на котором «Михаил Михайлович Достоевский и Аполлон Николаевич Майков <...> были в хорошем настроении»⁴.

Переписка братьев 1849 г. также свидетельствует о том, что М.М. Достоевский находился с Майковыми в самых теплых друже-

¹ Впервые: С 7. Т. 6. С. 383–385 – с купюрами.

² ИРЛИ. № 17440 (А.Н. Майков). Л. 1–2. Сообщено А.С. Янушкевичем.

³ Яновский С.Д. Письма к А.Г. Достоевской // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы: сб. 2 / под ред. А.С. Долинина. Л., 1924. С. 382.

⁴ Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. 1885. № 4. С. 804.

ских отношениях. Так, в уже упомянутом выше прощальном письме от 22 декабря 1849 г. Ф.М. Достоевский, в частности, пишет:

Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня, Евгении Петровне. Я ей желаю много счастья и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлонов <ичу> и Аполлону Майкову; а затем и всем¹.

В свою очередь, М.М. Достоевский в письме от 10 сентября 1849 г., отвечая на вопрос брата об авторе рецензии на сборник стихотворений Е.Н. Шаховой², отмечает: «Рецензию на стихотворения Шаховой писал Ап<оллон> Майков. Он болен, бедный. Мы с ним сошлись в последнее время»³. Следует также отметить известную близость и М.М. Достоевского и А.Н. Майкова к редакции журнала «Пантеон»⁴.

Поэтому предположение о том, что письмо Жуковского к Ф.Г. Вендриху в 1852 г. было передано М.М. Достоевскому А.Н. Майковым, представляется вполне правдоподобным.

Достоевский называет письмо к Ф.Г. Вендриху «очень важным биографическим материалом» (35), поскольку в нем документально зафиксирован момент начала знакомства Жуковского с немецкой литературой, крайне значимой в той концепции романтизма поэта, которая создается автором статьи. Охарактеризовав Ф.Г. Вендриха «человеком, по-видимому, очень образованным недурной классической библиотекой» (33), Достоевский особо подчеркивает следующие слова молодого Жуковского: «Он сознается, что мало знаком с немецкой литературой, и просит своего соседа назначить все лучшие немецкие книги *во всех родах литературы*» (35). См. об этом в письме Жуковского:

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28/1. С. 163.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 449.

Учитывая, что Ф. М. Достоевский писал о характере брата, это признание М.М. Достоевского дорогого стоит. Ср.: «<...> характер <...> был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя, мало высказывался» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. С. 124).

⁴ Сохранились, в частности, письма М.М. Достоевского и А.Н. Майкова к редактору журнала «Пантеон» Ф.А. Кони. См.: [Электронный ресурс] <http://maykov.ouc.ru/pisma.html>

Я бы желал, если бы не боялся Вас отяготить, чтобы Вы назначили мне все лучшие немецкие книги во всех родах литературы; немецкая литература мне мало знакома; но я, конечно, не имею нужды искать лучше Вас советника в выборе книг немецких (35. Здесь и далее цитирую по статье Достоевского. – Е.Н.).

Ф.Г. Вендрих – переводчик, знаток немецкой литературы, проживавший в это время в Орле. Жуковский познакомился с ним в доме Василия Ивановича и Авдотьи Петровны Киреевских в их имении Долбино¹. В.А. Власов пишет, что «не приходится сомневаться»² в следующем: в приведенном ниже фрагменте из письма Жуковского к А.И. Тургеневу от 8 января 1806 г. имеется в виду именно Ф.Г. Вендрих:

Думаю, вместо вояжа и переезда из места в место, остаться в каком-нибудь университете, и именно в Ене, где, говорят, очень дешево жить и который малым чем уступит Геттингену. Мне описывал это место один немец, который учился в Ене у Нимейера и который хочет мне дать рекомендательные письма³.

«Благодарю Вас, любезный и почтенный Федор Григорьевич, за Ваше приятное письмо, которое меня очень обрадовало» – так начинается письмо Жуковского⁴. «<...> Не надеюсь, чтобы мой русский слог вам так понравился, как мне ваш немецкий», – продолжает поэт⁵. Содержание письма Жуковского свидетельствует о том, что Ф.Г. Вендрих знаком и с другими обитателями Белева:

Между тем скажу вам, что здесь все об Вас помнят. Madame Protasoff просит Вас верить, что она также не забудет никогда тех приятных минут, которые ей доставило короткое знакомство с Вами. Мария Андреевна благодарит Вас за песню и ноты, которые вытвердила и часто играет⁶.

Все эти и некоторые другие бытовые подробности из письма Жуковского Ф.Г. Вендриху Достоевский опускает. Но он вводит в

¹ См. о Ф.Г. Вендрихе и Жуковском: *Власов В., Назаренко И.* «Минувших дней очарованье»: В.А. Жуковский в Приокском крае. Тула, 1983. С. 56–59.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 559.

² Там же. С. 59.

³ *Письма* В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 20.

⁴ *Жуковский В. А.* Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 558.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 559.

свою статью очень значительный его фрагмент, занимающий около двух страниц статьи (33–35) и посвященный впечатлениям Жуковского о романе К.М. Виланда «Агатон»¹:

<...> принялся читать Виланда, Вашего приятеля. Читаю «Агатона»; удивительная книга! Я думаю, это лучшее его сочинение. Какой слог! Какое знание света и человеческого сердца! Как все прекрасно описано: и афинские собрания, и уборная Динаи, и двор Дионисия! И какая философия! <...> Эта книга меньше роман, нежели философическое изображение человека <...> Виланд хотел согласить сии две противоположности: *мечтательность*, которая разлучает человека с людьми и переселяет его в жилище духов, и грубую *телесность, чувственность*, которая слишком унижает человека и лишает его морального и первейшего достоинства, единственно отличающего его от скотов. Жить одними идеалами не годится; но не иметь совсем идеалов столь же не годится: середина есть то, что всякий человек с некоторым особенным образом чувства избирать должен <...> Я бы желал, чтобы всякий молодой человек с пылкою, платоническою душою пред своим вступлением в свет брал в руки «Агатона», прочитывал его несколько раз и приготавливал себя сим чтением к тем многочисленным, иногда трудным опытам, которые для всех нас, бедных грешников, приготовлены. Он бы научил не вверяться мечтательности (*Schwärmerei*), которая сама по себе вредна и опасна, но, будучи обуздана здоровою опытною философию, может быть источником совершеннейшего земного счастья (34–35).

«В этом письме так искренно высказывается тогдашний взгляд нашего поэта на жизнь, взгляд, которому он, впрочем, остался верен до самой своей кончины» (35), – подчеркивает Достоевский. Этот «взгляд нашего поэта на жизнь» – по сути, обращение молодого Жуковского к проблематике романтизма, к тем вопросам истинного соотношения материального и идеального, которые по-своему осмыслял Шиллер и по-своему интерпретировал в своей статье Достоевский.

К «Агатону», к немецкой философии и литературе Жуковский обращается и в письме к А.И. Тургеневу от 8 января 1806 г. (то есть написанному вскоре после письма к Ф.Г. Вендриху и в котором он предположительно упомянут):

Пожалуйста, прочти Виландова «Агатона». Святая книга! Я начинаю больше уважать немецких авторов! Ради Бога, пришли мне что-

¹ О восприятии Жуковским романа К.М. Виланда «Агатон» см.: Реморова Н.Б. Роман «Агатон» в осмыслении В.А. Жуковского // Библиотека Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1984. С. 359–392.

нибудь хорошее в немецкой философии! Она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм. Этому причина, конечно, то, что большая часть немецких философов живут в совершенном уединении, следовательно, больше угадывают людей, видят их издали больше применяют к себе. Французские все играют роль в большом свете, все подчинены хорошему тону, менее глубокомысленны и меньше имеют живости в чувствах, которые обыкновенно притупляются светскою жизнью. Один Руссо может быть исключением, но Руссо жил всегда в уединении. Итак, пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужен такой помощник, нужна философия, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай¹.

Как видим, проблематика романтизма, немецкой литературы и философии, творчества Шиллера и даже сравнения немецкой и французской литературы (не в пользу последней) составляет единый контекст размышлений молодого Жуковского и Достоевского в статье о нем.

Второй документ, введенный в статью Достоевского, – это фрагмент из письма прот. И.И. Базарова о последних днях и кончине Жуковского, опубликованного в «Журнале Министерства народного просвещения»². Его использование свидетельствует, в частности, о том, насколько внимательно Достоевский следил за публикациями, посвященными кончине поэта.

Письмо прот. И.И. Базарова представлено в статье еще более объемно, чем письмо Жуковского Ф.Г. Вендриху, оно занимает более трех ее страниц (40–43) и дается отчасти – как обширные цитаты, отчасти – в пересказе Достоевского. Более того, этим документом статья фактически завершается.

Как известно, прот. И.И. Базаров, видный церковный деятель и писатель, духовник великой княгини Ольги Николаевны (будущей

¹ Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. С. 22.

² Последние дни жизни Жуковского. Письмо к редактору «Журнала Министерства народного просвещения» из Штудгарта от 17/29 апреля 1852 // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 74. СПб., 1852. Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения». С. 1–14. Публикация письма сопровождается следующей сноской: «С искреннею признательностью к нашему почтенному корреспонденту, отцу Иоанну Базарову, помещаем это письмо <...>» (С. 1).

Полностью воспоминания прот. И.И. Базарова о Жуковском см.: В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. ст. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М.: Наука: Школа «Ярк», 1999. С. 445–458.

королевы Вюртембергской), был духовником Жуковского и его семьи. Его рассказ о последних днях и кончине поэта – это в первую очередь рассказ исповедника, православного священника. В своем письме прот. И.И. Базаров много размышляет и рассказывает о Жуковском как о «Поэте-Христианине»¹, «Христианине-философе»².

В свою очередь, Достоевский, приводя в своей статье отдельные выдержки из письма прот. И.И. Базарова, расставляет, осознанно или неосознанно, свои акценты. Безусловно, очень важно то, что в его статье воспроизведено трогательное описание последнего причастия великого поэта, отпевания и похорон усопшего. Однако в целом в публикации Достоевского рассказ о Жуковском-христианине предстает в смягченном варианте. Не используя определенные фрагменты письма прот. И.И. Базарова, посвященные христианской проблематике, он скрупулезно воспроизводит все то, что в нем говорится о поэзии. Жуковский на смертном одре в описании прот. И.И. Базарова – прежде всего христианин, в публикации Достоевского – прежде всего поэт. Так Достоевский последовательно проводит через всю свою статью проблематику романтизма.

Ценность рассказа прот. И.И. Базарова для Достоевского определяется тем, что это – живое, непосредственное свидетельство о последних днях творчества и о последних произведениях великого поэта. Он приводит слова самого Жуковского: «Я написал поэму; она еще не кончена; я писал ее, слепой, нынешнюю зиму. Это – «Странствующий жид» – в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь» (42). И далее:

Вот что говорил сам Жуковский отцу Иоанну о своем переводе «Илиады»: «Для этого, – говорил он, – я беру в руки Гнедича, прочитаю из него страницу или две, потом прочитаю то же самое по-немецки и затем начинаю писать сам по чутью, с каким я переводил и «Одиссею». Выходит иногда, что мой стих сходится от слова до слова с стихом Гнедича, и тогда я замечаю, что это все-таки стих *мой*; а в другой раз я поправляю свой перевод по Гнедичу, и тогда тут же делаю выноску, что это не мой стих. Но Вы пока не говорите об этом никому». Эти слова говорены были им еще за полтора года до его кончины (43).

На первый взгляд определенной неожиданностью (если даже не сказать небрежностью) выглядит расположение данного фрагмента в

¹ *Последние дни жизни Жуковского*. С. 1.

² Там же. С. 8.

тексте Достоевского: помещенный в предпоследний абзац, он фактически завершает статью. Однако статья Достоевского о Жуковском – это работа переводчика о переводчике, и собственный подробный рассказ великого русского поэта о его творческом процессе перевода, вероятно, представлялся Достоевскому настолько важным, что именно это он и выносит в финал своей статьи.

Безусловно, и А.Д. Галахов, и А.В. Никитенко, и С.П. Шевырев, и все другие, писавшие о Жуковском, закономерно обращались к его переводческой деятельности. Однако в этом общем хоре слово Достоевского, много и успешно занимавшегося переводами, было значимым.

«Когда перевод становится вечным достоянием литературы, он уже перестает быть переводом» (39) – так лаконично и емко формулирует Достоевский этот вечный закон развития мировой культуры.

Говоря о Жуковском как переводчике, Достоевский вновь обращается к воспоминаниям о своей романтической юности:

В лучшую пору его славы, когда все приходило в восторг от каждой его новой баллады <...> редко кому приходило в голову спросить, откуда переведена эта новая баллада <...> Знали Жуковского, читали Жуковского, говорили о Жуковском (39).

Это проходит как рефрен через все размышления Достоевского о переводах поэта:

<...> вы читаете Жуковского, вы пленяетесь Жуковским и совершенно забываете справиться, верно ли все это с подлинным (39).

Как бывший поэт и как профессиональный переводчик, Достоевский обозначает следующую переводческую проблему: «<...> перевод стихотворный никогда не может быть поставлен в ряду с переводом прозаическим» (39). В данном рассуждении все симпатии Достоевского на стороне поэзии, а не прозы: «В стихе, помимо содержания и мысли, заключается уже та художественность, та музыка, та ему одному свойственная сила, те качества, одним словом <...> которых лишена проза» (39). Поэтому, с его точки зрения, «<...> стихотворец, передавая нам произведения чужих литератур, не перестает быть самостоятельным художником <...>» (39–40), и «<...> мы <...> даже признаем переводчика победителем, если его отступления от подлинника оставят в нас сильнейшее впечатление, чем самый подлинник» (40). «Таким переводчиком <...> был Жуковский» (40), – утверждает автор статьи.

«Большинство русской публики считает (и по справедливости) своего поэта оригинальным писателем» (39), – продолжает Достоевский. И далее:

Пусть в других литературах есть свои «Ундина», свой «Наль и Дамайнти», свой «Граф Габсбургский» и «Замок Смальгольм» – русские никогда не забудут своих, русских произведений, заглавленных этими именами: они всегда останутся для нас произведениями чудно прекрасными, какие только могла представить романтическая школа (39).

Ссылаясь на А.Д. Галахова, Достоевский формулирует следующее, методологически важное положение:

Жуковский был переводчиком не <...> поэтов Англии и Германии, но переводчиком романтизма (40).

Так переводческая проблематика приводит Достоевского к утверждению того, что творчество Жуковского – это высшее проявление русского романтизма.

Свою статью Достоевский скромно (как всегда!) назвал «беглым очерком поэтической деятельности Жуковского» (40). На самом деле она предельно концептуальна в представлении творчества поэта. На мощной эстетической основе, включившей в себя наследие Шиллера и всей немецкой литературы, документы эпохи, переводческую проблематику, Достоевский создает свой образ поэзии Жуковского.

Это действительно своеобразный художественный образ; о творчестве великого русского поэта-романтика Достоевский пишет в романтическом стиле своей молодости:

Услышали новый строй русской речи; увидели простонародные слова и выражения в поэтической форме; элегия Жуковского сладко зажурчала как серебристый ручей после торжественной оды; его таинственная и задумчивая баллада показалась чем-то чудным, необычным. Новый, роскошный мир, богатый картинами и видениями, полный жизни и значения, открылся перед изумленными глазами читателей. Все в нем ново, невиданно, неслыханно. Все в нем давало пищу праздному уму, воображению и сердцу. Все в нем пробуждало фантазию, развивало мечтательность» (32).

Уникальное для своего времени новаторство Жуковского-поэта и переводчика, по мнению М. Достоевского, связано прежде всего с его открытиями в области романтизма. И в этом он был солидарен с

Белинским, назвавшим Жуковского «литературным Коломбом Руси, открывшим ей Америку романтизма в поэзии»¹.

Выше уже было сказано о том, что он много пишет об общественном значении романтизма Жуковского. Но необходимо подчеркнуть следующее: Достоевский фактически утверждает, что поэзия Жуковского коренным образом изменила само мирозерцание русского человека:

Если сравнить теперешнее общество с тем, которое встретило первые стихи нашего поэта, то нельзя не подивиться тому, какие успехи сделало оно в полстолетие, успехи как в самой жизни, так и в просвещении <...> благородные порывы, внесенные в тогдашнее общество музой Жуковского <...> были благодетельны и, может быть, необходимы в его время <...> Иначе взглянули на жизнь, на все окружающее, на природу» (32–33).

Концептуальность статьи Достоевского определяется также тем, что она вырастает на материале всего творчества Жуковского, начиная с элегии «Сельское кладбище» (1801–1802) и заканчивая поэмой «Агасвер. Странствующий жид» (1852). В статье приведены произведения и переводы Жуковского самых разных периодов и жанров: «К Делию» (1809), «Граф Габсбургский» (1818), «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1822), «Теон и Эсхин» (1814), «Ундица» (1836), «Наля и Дамайнти» (1841), «Илиада» (1828–1829; 1849–1850), «Две повести. Подарок на Новый год издателю «Москвитянина» (1844), «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» (1845), «Рустем и Зораб» (1846–1847), «Одиссея» (1842–1849), «Царскосельский лебедь» (1852).

Муза Жуковского, – отмечает Достоевский, – <...> не старелась с его годами. Напротив, она крепла и мужала. Самые последние его стихотворения, «Отрывок из детской сказки» и «Царскосельский лебедь», так же свежи и образны, так же полны поэзии, как произведения лучшей поры его деятельности (38).

Цитирует Достоевский в статье послание «К Делию», «Две повести...», «Теона и Эсхина», «Наля и Дамайнти», «Сказку о Иване-царевиче и Сером Волке». Цитаты связаны, прежде всего, с размышлениями Достоевского о гармонической личности Жуковского. Светлое мирозерцание поэта «<...> является и в его переводах, –

¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1955. С. 460.

считает автор статьи, – так как он переводил вещи, родственные с его философией» (36). В доказательство этой мысли Достоевский, например, полностью приводит послание «К Делию» (из Горация):

Умерен, Делий, будь в печали
И в счастья не ослеплен:
На миг нам жизнь бессмертны дали;
Всем путь к Тенару проложен... (36–37).

Еще одна важная тема, подкрепляемая цитированием, – это глубинное сочетание в поэзии Жуковского мистического и естественно-природного, что, по мысли Достоевского, отличает истинный романтизм; таким, с его точки зрения, был романтизм Шиллера. Он пишет:

Но при всем своем мистицизме, при всей неопределенности стремлений от всего земного, материального к чему-то высшему и лучшему <...> в поэзии Жуковского везде видна сильная любовь к <...> жизни и еще сильнейшая любовь к природе и ее многообразным явлениям» <...> Даже картины сказочного мира, в которых природа является фантастической и расцвеченною не свойственными ей красками, выходят у Жуковского такими законченными и полными прелести. что как будто веришь им и невольно любуешься ими (36–37).

В доказательство приводятся фрагменты из «Теона и Эхина», «Наля и Дамаянти», «Сказки о Иване-царевиче и Сером Волке». «Тут что ни слово, то новая краска» (38), – восхищается автор статьи.

Наконец, Достоевский называет еще один важнейший – и непреходящий – аспект влияния Жуковского на русскую культуру:

<...> его влияние, влияние *материальное*, влияние на язык наш, не прекращалось до самой его кончины. Это не подлежит никаким спорам, никаким сомнениям. Сказание о незабвенных заслугах Жуковского перед русским языком давно уже вошло в область исторических фактов русской литературы» (39).

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. напишет о том, что Жуковский (вместе с Шиллером) «в душу русскую восался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил»¹. М.М. Достоевский разъяснил эти слова младшего брата еще в 1852 г.: «Жуковский научил свое поколение любить, плакать и мечтать» (32).

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. С. 13.